

Сказки для добрых сердец

Автор:

[Наталья Абрамцева](#)

Сказки для добрых сердец

Наталья Абрамцева

Главное, что отличает эту книгу от многих других, – это удивительная атмосфера доброты. Даже хитрость, обычно вызывающая не самые приятные чувства, в этих сказках такая беззлобная, искренняя и наивная... Сказки написаны простым, но в то же время очень ярким языком, в котором много настоящих литературных находок. После прочтения книги остаётся ощущение встречи с чем-то светлым, тёплым и уютным, возможно – с самой Добротой.

Сказки для добрых сердец

Наталья Абрамцева

© Наталья Абрамцева, 2016

Фото Наталья Алексеева

ISBN 978-5-4483-1759-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуй!

Жил-был дом. Красивый, крепкий, бревенчатый – бревнышко к бревнышку. Зимой дом спал под теплым снежным одеялом. Спал и видел зеленые сны. Зеленые – потому что больше всего на свете дом любил светло-зеленую весну и ярко-красное лето. Весной сад, в котором жил дом, начинал зеленеть. Пробивалась травка, появлялись маленькие листочки на яблонях, вишнях, сирени. Потом листочки превращались в настоящие большие листья, а трава вырастала высокой, густой, яркой. Все кругом становилось зеленым-презеленым. Все, если не считать красных роз возле крыльца, белых ромашек под одним окном и синих цветов по имени «башмачки» под другим.

На лето в дом приезжали веселые люди. Те, которые называются дачниками. Люди-дачники красили в зеленый цвет резные наличники окон. И еще кормили кусочками сахара старого ежа. Я забыла сказать, что под крыльцом в своей норке прятался старый еж.

Так и жил дом: в зеленом саду, с веселыми людьми и со старым ежом под крылечком. Хорошо жил дом. Все бы хорошо, если бы не один странный маленький электровозик. Дело в том, что мимо дома проходила железная дорога. Или, если хотите, наоборот: дом стоял возле железной дороги. Неважно, как сказать, но дом дружил со всеми поездами, что пробегали по старой дороге.

Поезда рассказывали много интересного. Вот летит южный поезд. Тук-тук-тук – стучат колеса. Это южный поезд рассказывает о желтых лимонах и синем море. Опять знакомое тук-тук-тук – это северный поезд. Его рассказ – об ослепительном снеге и темных скалах Севера. Много лет дружно, как хорошие соседи, жили дом и железная дорога с поездами. Все бы хорошо, пока не появился один маленький электровозик. Это был необыкновенно деловой электровозик. Несколько раз на день он проносился мимо дома, ничего не рассказывал и оглушительно свистел.

«Какой он странный, – думал дом, – он очень занят, у него много дел. Это я понимаю. Но зачем свистеть так громко? – У дома от удивления труба покачивалась. – Как видит меня, так свистит. Очень странный!»

Терпел дом, терпел, да и не вытерпел. Решил бросить старое, обжитое место и уйти туда, где не слышно свистка маленького электровоза. Крыльцо

согласилось. Подвал, чердак и крыша тоже. Долго не соглашалось одно окошко. То, что смотрело на цветы «башмачки». Но в конце концов и его уговорили. Печная труба посоветовалась со знакомой белкой и узнала, что рядом в лесу есть очень хорошая полянка. Там дом и решил поселиться.

Жаль, конечно, было расставаться со знакомым садом, с веселыми дачниками, со старым ежом. Жаль, да уж больно громко свистел электровозик. Вот и сказал однажды дом, сказал, смущенно поскрипывая половицами:

– Милый мой сад, и вы, веселые люди, и ты, старый еж, пришло время нам прощаться. Ухожу я в лес. Буду жить там один, потому что обидел меня маленький электровозик. Что он свистит на меня?!

И дом поднял одно крылечко, собираясь уходить. Что тут началось!.. Зеленый сад обиженно зашелестел:

– Конеш-ш-шно, конеш-ш-шно... В зеленом лесу ты быстро обо мне забудеш-ш-шь. Ведь лес, наверное, еще зеленее, чем я, твой сад.

А веселые люди-дачники стали грустными-грустными и обиженно сказали:

– Очень жаль, но нам придется возвращаться в свои городские квартиры. Мы не можем жить в доме, который стоит в лесу. Там нет железной дороги. Как же мы будем ездить в город на работу, по делам?

И люди стали складывать чемоданы.

А старый еж, что жил под крыльцом, сказал:

– Ну что ж, уходите, кто собрался. А я останусь. Я думаю, раз электровозик свистит, значит, есть у него на то причины.

«Да, – подумал дом, – неудобно получается. И людям лето я испорчу. И сад останется один. И старый еж, кажется, обиделся. Может быть, все-таки остаться? Не уходить?»

Но в это время снова оглушительно засвистел маленький электровозик. И дом снова поднял крылечко, собираясь уходить. Только старый еж остановил его.

- Пстой, - сказал он, - пстой. Неужели ты так и уйдешь?

- Ну, я не знаю, не знаю, как мне быть! - чуть не плача, заскрипел старый дом. - Мне кажется, электровозик надо мной смеется. Просто смеется! Почему иначе он свистит всякий раз, как видит меня?

- Ах, - сказал старый еж. Потом он сказал: - Ой-ой-ой! По-моему, уважаемый дом, ты очень ошибаешься. Сейчас я все узнаю.

Старый еж прибежал на железнодорожный переезд и попросил дежурного остановить на минутку маленький электровозик. Дежурный железнодорожник очень удивился. Еще никогда ежи не просили его ни о чем. Удивился, но согласился, потому что был хорошим человеком.

Вот остановился маленький электровозик, и старый еж очень вежливо и тихо заговорил с ним. Когда электровозик узнал, какие неприятности могут произойти из-за его свистка, он очень расстроился.

- Простите, - сказал он смущенно, - простите меня. Я не так уж и виноват. Просто мы не поняли друг друга. Я свистел совсем не потому, что хотел обидеть ваш дом. Дело в том, что мы, электровозы, паровозы, тепловозы, здороваемся друг с другом свистками или гудками. Ваш дом живет возле железной дороги, вот я и думал, что он тоже немного поезд. Я не просто свистел, я здоровался с домом, а теперь я не знаю, как мне быть. Свистеть нельзя, а не здороваться разве можно?

- Знаешь что, - сказал старый еж, - а ты не мог бы здороваться чуть-чуть потише?

- Вот так? - Маленький электровозик тихонько и весело свистнул.

- Вот! То, что нужно, - обрадовался старый еж. И все осталось как прежде. Дом так и живет в своем зеленом саду. Под крыльцом живет старый еж. На лето приезжают веселые люди-дачники. А маленький электровозик весело и негромко

посвистывает, пробегая мимо.

Рыжая сказка

Рыжая кошка была такой маленькой, что еще не успела узнать о том, что рыжих кошек на свете не так уж много. Гораздо меньше, чем, например, серых. И о том, что рыжий цвет – не простой, как, скажем, цвет серый. Зато маленькая кошка знала, что такое друг. Ее друга звали Солнце.

Они познакомились недавно на крылечке дома. Солнце проплывало по небу и увидело внизу что-то очень рыжее. Солнце прищурилось и спросило:

– Это кто там? Не мой солнечный зайчик? Рыжка (в золотых лучах она правда казалась чем-то солнечным) подняла мордочку и ответила обиженно:

– Какой же я зайчик? Я – кошка. меховая, а вовсе не солнечная.

– Точно, рыжая кошка. Да ты не обижайся. Разглядеть трудно: маленькая очень.

– Вырасту!

– Конечно, – прозвенело Солнце. – А мне показалось, зайчик мой сбежал без разрешения. Непорядок ведь?

Так они и подружились. Доброе взрослое Солнце проплывало над крылечком в полдень. Медленно, чтобы Рыжка погрелась в его лучах. А еще Солнце рассказывало ей, что происходит в небе, какая туча с какой молнией поспорились и какое облако за какую горную вершину зацепилось.

А маленькая рыжая кошка рассказывала Солнцу, как живут люди в своем красивом летнем доме.

Но однажды Солнце не пришло. Рыжка удивилась, посмотрела в небо и увидела серые тучи.

- Наверное, тучи задерживают Солнце. Пойду навстречу, - решила она и осторожно спустилась с крылечка на садовую дорожку.

Раньше Рыжка не гуляла по дорожке: боялась уходить от крыльца. Но она знала, что дорожка идет в ту сторону, откуда приходило Солнце.

Маленькая рыжая кошка шла медленно, осторожно ставя лапки на дорожку. Вдруг тихий смех. Слева - роскошные ярко-красные маки.

- Вы мне смеетесь? - спросила Рыжка.

- Не тебе, а над тобой, - прошелестели маки.

- Почему?..

- Ну-у-у... Ты же смешная...

- Почему?

- Ну-у-у... Ты рыжая...

- Да, - согласилась кошка, - рыжая. А почему смешная?

- Так ведь рыжая!

Маленькая кошка не понимала, почему смеялись маки, но ей казалось, что смеялись не весело, а насмешливо.

- Ну и ладно, - просто так, сама не зная о чем, сказала маленькая кошка и пошла дальше. Слышит - кто-то тихо фыркнул и сказал:

- Совсем, совсем рыжая!

Маленькая кошка оглянулась и обрадовалась. Справа от дорожки расположилась стайка невысоких цветов. Цветом своим очень похожих на нее. Люди называют их ноготками.

– Привет, – весело сказала Рыжка, – и вы, и я – рыжие. Хорошо! А вот некоторые считают рыжий цвет... – И она замолчала. Потому что цветки-ноготки резко подняли лепестки и захлопнулись. Только один, наверное главный, цветок не закрылся и очень рассерженно посмотрел на маленькую кошку:

– Как ты смеешь называть нас рыжими? Это ты – рыжая.

– Да я-то, конечно, я знаю. Но разве вы не рыжие тоже?

– Нет! – совсем рассердился цветок-ноготок. – Мы оранжевые. – И он тоже закрылся.

Маленькая рыжая кошка пошла дальше. Ей было грустно: и Солнце не нашлось, и стало совершенно ясно, что рыжий цвет нравится не всем.

Наконец дорожка уткнулась в маленькую клумбу, на которой рос большущий куст прекрасных белых лилий.

– Ой! – только и могла сказать восхищенная Рыжка.

Одна чудесная белая головка склонилась, и лилия сказала томно:

– Ах, не надо восхищений. Они однообразны и утомительны.

– Хорошо, я восхищаться не буду, хотя вы очень красивы, – маленькая кошка, не раздумывая, подчинилась прекрасным цветам, – не буду, а спросить вас можно? Посоветоваться.

Гордые цветы были удивлены или, представь, польщены. Совета у них никто никогда не спрашивал. Ими только любовались.

– Скажите, – немного замялась Рыжка, – вот некоторым кажется, что рыжий цвет то ли плохой, то ли... ну... в общем, смеются... Вы не стали бы смеяться? Не стали бы? Правда?

– Конечно, мы не станем смеяться над тобой. Это недостойно нас.

- Что значит недостойно вас? – чуть насторожилась маленькая кошка.

- Это значит, что сами мы так прекрасны, что должны притвориться, будто не видим, что ты рыжая, – ответила самая красивая лилия.

- Будто не видите?

- Да.

- А если все-таки...

- Нет. Мы хорошо воспитаны..

- А другие цветы?

- Многие цветы, – прекрасная лилия смутилась, – попроще нас, могут вспомнить, – она заговорила шепотом, – детскую песенку-дразнилку: «Рыжий-рыжий, конопатый...» Дальше там тоже насмешливые слова.

- «Конопатый»... – задумчиво повторила маленькая рыжая кошка. – Еще и конопатый! – И она прикрыла лапкой нос, на котором ухитрились поместиться полторы веснушки.

А потом кошка, хоть и маленькая, выпустила коготки.

- Вы не видите? Так я сама говорю всем! Всем на свете! Я – рыжая, рыжая-прерыжая! Ясно? Ясно вам? – и заплакала маленькая кошка. Горько и громко.

Не плачь, кошка, все хорошо. Солнце вернулось!

- Солнце, Солнце, – стала рассказывать маленькая кошка, – я совсем рыжая, очень рыжая. Что же мне делать?

- Радоваться, сестричка, – спокойно ответило Солнце.

– Чему? – удивились цветы. – И почему она – ваша сестра? Вы шутите. Золотой Цветок неба! – Цветы иногда любили пустые красивые слова.

– Я не цветок, я просто обыкновенное небесное светило, – скромно сказала Солнце, – и я не золотое, я – рыжее.

– Рыжее???

– Да. Я – желтое? Нет, одуванчик желтый. Я – золотое? Нет, золотые шары – золотые. Я – красное или оранжевое? Нет, маки – красные, ноготки – оранжевые. И конечно, никто не скажет, что я – белое. как лилия. Выходит, я – рыжее.

– И я рыжая! Как Солнце, как Солнце! – запрыгала маленькая кошка.

– Мы, знаете ли, родственники, – улыбнулось Солнце. Молчали маки, ноготки, лилии. Зато раздался препротивный голос старой вороны. Она и прекрасные лилии, как это ни странно, дружили.

– Что кошка рыжая, как вы, Солнце, не спор-рю, – каркнула ворона, – а как с веснушками? У нее целых полторы. А у вас – нет! Как же вы без веснушек?

– Как? – испугалась маленькая кошка.

– Плохо, – вздохнуло Солнце, – мне веснушек очень не хватает. Вы, уважаемая старая ворона, конечно, знаете, веснушки – это подарок самой красавицы Весны. На всех подарков не хватило. Маленькой кошке хватило, а мне и вам – нет. Не повезло нам с веснушками, дорогая старая ворона. – Так сказала Солнце и добавило: – Пошли, Рыжка, а то мы с тобой до крылечка никак не доберемся.

– Пошли, – согласилась маленькая кошка, а обернувшись, все-таки сказала: – Не повезло вам всем с веснушками!

Сначала Солнце и кошка молчали. Потом Рыжка спросила:

– Они всегда будут злыми? – Они не злые, – спокойно ответило Солнце, – они глупые и не понимают, что рыжая кошка – это так же красиво, как белые лилии.

- Да?!

- Да.

- Я тоже не понимаю, - сказала маленькая кошка.

- Я же говорило: маленькая ты очень. Вот и не понимаешь.

- Вырасту.

- Конечно, - согласилось Солнце.

А звездочки падают?

Щенок Тявка ловил звездочки. Тявка был совсем маленький, а потому считал: поймать звездочку не так уж и трудно. Тявка жил на даче. Забор дачи ему очень мешал. Вот слетает с неба звезда, и Тявка несется по влажной ночной траве, по грядкам, по клумбе, пробирается через крапиву

туда, где должна лежать упавшая звездочка, и вдруг - забор. «Оказывается, звездочка упала по ту сторону забора», - огорчился Тявка.

Тявка совсем избегался. Однажды, в который раз стукнувшись носом о забор, щенок решил немного отдохнуть и прилег тут же. Послышался смех. Тявка поднял голову и увидел на заборе соседского кота. Кот прямо-таки давился смехом.

- Глупый щенок! Совсем глупый! Что это ты делаешь?

- Я? Я ловлю звездочки, - ответил Тявка, - вернее, хочу поймать хотя бы одну. Но они всё падают не там, где нужно. За забором падают. Кот снова рассмеялся:

- Глупый щенок! Совсем глупый! •

- Почему? Почему я глупый? Я просто не умею прыгать через забор. Кот сидел на заборе и ухмылялся:

- Да потому ты глупый, что ловишь то, чего нельзя поймать!

- Нельзя?

- Конечно, нельзя, - важно говорил Кот, - ты уж мне поверь. Я долго жил в библиотеке и прочитался всяких научных книг.

- Ну и что? - возразил Тявка. - При чем здесь книги? Что в них написано о звездочках?

- Да хотя бы то, что звезды вообще не падают.

- Ну уж нет! Еще как падают! Сегодня уже четыре штуки упали!

- Вовсе это не звезды! - Кот начинал сердиться.

- Как же не звезды? Звезды - они и есть звезды, - спорил Тявка. Чересчур умный Кот устало вздохнул:

- Ну как же объяснить тебе попонятнее? Это не звезды. Это такие большие камни, которые летают очень высоко. Выше Луны. И когда падают на Землю, трутся о воздух и сгорают. Понятно?

- Понятно. Понятно, что все это че-пу-ха. Камни летают, сгорают - ерунда! Вы какие то неправильные книги читали, уважаемый Кот. Я пошел ловить звездочки. Пока!

И Тявка убежал. Кот смотрел ему вслед и качал головой.

«Маленький еще. Подрастет - разберется».

А Тявке было жаль Кота. «Бедный Кот, - думал он, совсем свихнулся от своей учености. Звезду от камня отличить не может».

Сказка про старый дом

Дом был старый, деревянный. Крыша покосилась. Печка развалилась. Труба набок съехала. Окна не открываются, двери не закрываются. Щели в полах.

Когда-то в доме жили люди. Давно. Тогда он был новенький и красивый. А потом люди уехали. И дом расстроился. Стал скучать и стареть.

И сад вокруг дома тоже скучал – скучал и даже одичал от одиночества. Яблоки стали кислыми, вишни мелкими. Вместо цветов – высокая трава, крапива да лопухи выросли.

Вот так и жил старый, заброшенный дом в старом, заброшенном саду. Весной, когда стаивали огромные сугробы, выползало из-под снега кривое крылечко, дом и сад просыпались после долгого зимнего сна. Просыпались, потягивались, поскрипывая старыми досками и ветками. И дом говорил:

– А не думаешь ли ты, сад, что в этом году к нам могут вернуться люди?

– Думаю, – неуверенно отвечал сад.

– Мы должны подготовиться к встрече, – говорил дом.

– Конечно, – соглашался сад.

Им помогали ветер, дождь и солнце. Ветер влетал в дом через трубу. Проветривал комнаты, чердак и даже подвал. Потом через вечно открытую дверь вылетал в старый сад. Выметал прошлогоднюю листву, сухие ветки, помогал, очень осторожно, разворачиваться нежным лепесткам диких яблонь и вишен.

После ветра за дело брался дождь. Дождь тщательно отмывал весь дом: от съехавшей набок трубы до самого крылечка.

Конечно, особенно дождь старался, когда мыл окна. Ведь стекла все-таки. Пусть и разбитые. Еще дождь своими сильными струями расчесывал уже густую листву сирени, разглаживал листья тополей. И землю в саду поил дождь. Жаль, конечно, что не розы на ней вырастут, а лопухи да крапива, но пусть и они лучше зелеными и крепкими будут, чем чахлыми.

За ветром и дождем приходила очередь солнца. Солнце хорошенько просушивало дом. Гладило золотыми лучами стекла в паутине трещин – чтоб блестели ярче. Золотило старые наличники на окнах. Потом лучи солнца скользили по саду. Заглядывали в каждый крохотный цветок дикой сирени, чтобы те светились маленькими искорками.

Затем снова прилетал ветер. Он где-то раздобыл семена кое-каких цветов, но ветер не был настоящим садовником и разбросал семена как умел. А потому одуванчики выросли не только в густой траве, но и на крыльце.

А одна ромашка ухитрилась поселиться даже на крыше в какой-то щелочке.

Так ветер, дождь и солнце помогали готовиться заброшенному дому и старому саду к встрече людей.

Дом и сад ждали. Но люди не приходили. Вернее, приходили, но, посмотрев на дом и сад, уходили.

– Это старый дом, – говорили люди, – у него разбиты окна, и крыша съехала совсем набок, и крыльцо развалилось. Разве это дом?

– Да, конечно, – соглашались другие люди, – и сад тоже совсем заброшен. Яблоки мелкие, вишни кислые. А крапивы сколько-о-о! А трава-то как разрослась... Разве это сад?

– Нет, – решали люди, – лучше мы построим новый, красивый дом и вырастим новый, замечательный сад.

И люди уходили. Дом и сад очень огорчались и начинали ждать снова. Ждали, ждали, ждали...

И дождались.

На покрытом пылью долгих дорог велосипеде к дому подъехал человек. За спиной рюкзак. На багажнике – огромный чемодан с разноцветными наклейками. Через плечо – яркая дорожная сумка. На другом плече – фотоаппарат. На голове – широкополая шляпа. Конечно же, это бывалый путешественник. А путешественники, как известно, любят всякие странности.

Дом с ромашкой на покосившейся крыше, с одуванчиками на кривом крыльце, сад, в котором ветви диких яблонь переплетаются с ветками дикой сирени, как в сказочном лесу, а по земле стелются темно-зеленые лопухи, похожие на огромные зонтики, – разве это не странность? Почти волшебная странность.

– Ах, – сказал путешественник, – какое чудо! Заколдованная избушка в заколдованном лесу.

«Вовсе мы не заколдованные, – подумали дом и сад, – мы заброшенные». —

– Ах! – снова сказал путешественник. – Какая прелесть! И он защелкал фотоаппаратом.

«Мы – прелесть... Мы – чудо...» – почти задохнулись от радости, смущения, неожиданности дом и сад.

– Пожалуй, я поживу здесь, – решил путешественник. И путешественник вместе со своим усталым велосипедом, тяжелым рюкзаком, чемоданом с наклейками, дорожной сумкой и, конечно же, с фотоаппаратом поселился в заброшенном доме и одичавшем саду.

Что же из этого получилось? То, чего не могло не получиться. Яблоки стали крупными-крупными, вишни сладкими-сладкими. Среди лопухов расцвели ярко-красные маки величиной с огромные воздушные шары.

Трещины на стеклах сложились в веселые рисунки. Крылечко перестало просто скрипеть, оно стало чирикать очень музыкально. А дверь, которая уже много лет не могла шевельнуться, с удовольствием и легкостью открывалась и закрывалась.

Почему же так вышло? Смешной вопрос... Ясно, почему...

А потом? Потом путешественнику пришло время отправляться в путь. Ведь он путешественник.

И что же получилось? То, что и должно было получиться: жили-были заброшенный дом и заброшенный старый сад...

И потом пришла зима. Повалил снег. Снег. Снег. Сугробы в одичавшем саду. Сугробы на развалившемся крылечке. Сугробы на покосившейся крыше. Тяжелый зимний сон.

...А потом пришла весна. Прилетел теплый весенний ветер. Застучал теплый весенний дождь. Теплое весеннее солнце расправило длинные хрупкие лучи.

И старый дом сказал:

- А не думаешь ли ты, сад, что и в этом году к нам могут вернуться люди?

- Думаю, - ответил сад.

Правдивая история о садовнике

Много-премного лет назад жил маленькии-пре-маленький удивительный городок. В нем вокруг каждого дома рос сад: яблоневый, или черешневый, или грушевый, или персиковый, или еще какой-нибудь.

Жители городка очень любили навещать и приглашать друг друга к себе. По делам и просто так. Каждый день они писали письма: «Уважаемый сосед (в маленьком городке все соседи)! Вы давно не заходили в черешневый дом!» Или «Дорогой друг (в городке все были друзьями)! Вас ждут хозяева в яблоневом саду». А почтальону говорили:

– Будьте добры, пожалуйста, отнесите письмо тому-то или тому-то. Почтальон ничего не путал, ведь городок совсем маленький. Но однажды случилась неприятность. Почтальон нес три очень важные записки с просьбой зайти: пекарю – к хозяйке яблоневого сада, гончару – в дом вишневый, аптекарю – в персиковый.

И вдруг налетел ветер. А у ветра было в тот день озорное, почти разбойничье настроение.

Вырвал ветер у почтальона записки-приглашения, перемешал и унес. Полетели письма, а потом ветер осторожно опустил их в сад... садовника. Так уж захотел ветер.

Садовник уже очень давно выращивал цветы. Разные. Красивые.

Некрасивых цветов не бывает. Цвели в саду садовника желтые и белые нарциссы, красные розы, белые и розовые маргаритки...

Когда у кого-нибудь из горожан был день рождения, или другое торжество, или просто хорошее настроение – каждый мог прийти к садовнику и для каждого он подбирал цветы.

А калитка сада, увитая крупными голубыми вьюнами, с удовольствием пропускала всех-всех. Сам садовник никогда цветов не разносил. Даже в гости ни к кому не ходил. Потому что каждому самому было приятно зайти в его чудесный сад, единственный в городе цветочный сад.

Оттого и удивился садовник, когда к нему прилетели просьбы-приглашения зайти к хозяевам яблоневого, вишневого и персикового садов. Откуда было знать садовнику, что не его ждали, а пекаря, гончара и аптекаря. Ведь письма начинались словами: «Уважаемый сосед...»

Садовник приготовил несколько разных букетов, потому что не знал, какие цветы нужны, и осторожно уложил букеты в корзину. Сначала он решил зайти в яблоневый дом.

Радостно, но удивленно встретила хозяйка садовника.

– Ах, какая приятная неожиданность! Сейчас должен прийти наш уважаемый пекарь. Я собиралась заказать ему шесть булок с маком, потому что я жду в гости дорогих тетушек.

Теперь удивился садовник и показал случайно попавшую к нему записку, предназначенную пекарю.

– Ах, – всплеснула руками хозяйка, – я, конечно, очень рада вам, достопочтимый садовник. Но как же быть с булочками для тетушек?

– Да, – сказал садовник, – кажется, произошла большая неловкость. Я, право, сожалею, но я, право, не виноват. А булочки... Может быть, это в какой-то степени заменит вашим тетушкам булочки?

И садовник вынул из своей корзины большущий букет золотых шаров. Их золотые шапочки немного походили на золотистые булочки.

Сейчас самое время сказать, что «цветы были волшебные, а потому незамедлительно превратились в булочки», но я рассказываю не сказку, а правдивую историю, и потому цветы остались просто цветами.

А садовник поднял свою корзину с цветами и отправился в вишневый сад. Но там, как ты знаешь, ждали гончара. Потому что у главного кувшина в доме, у кувшина для молока, отбилась ручка. Потому хоть и рады были садовнику, но...

Красные обыкновенные тюльпаны, которые подарил садовник хозяйке сада, не превратились в новый, такой нужный кувшин. Просто цветы не умели превращаться в полезные вещи.

А вот и персиковый сад. Его хозяйева с нетерпением ждали аптекаря, потому что у их дочери очень болела голова. Не было у садовника целебной настойки, а потому лучшее, что он мог подарить девочке, был букет светло-лиловых фиалок.

...И вот вечер. Грустит садовник в своем чудесном саду. Кажется,

что подвел он хозяев и яблоневого сада, и вишневого, и особенно персикового...

Вдруг скрипнула калитка, задрожали граммофончики вьюна. И в сад вошла хозяйка сада яблоневого. Женщина держала в руках огромное расписное блюдо, полное чудесных красных и желтых яблок.

– Милый садовник, – сказала она, – большое-пребольшое спасибо, а эти яблоки шлют вам мои тетушки. Им так понравились ваши золотые шары, что они решили поселиться в нашем городе насовсем.

Садовник очень обрадовался и очень удивился.

И вновь задрожали голубые вьюнки на калитке. Пришла хозяйка вишневого сада. Она принесла красивый пирог с вишнями.

– Милый садовник, – сказала она, – кувшин для молока – вещь, конечно, незаменимая и необходимая, но, когда мы поставили в кувшин с отбитой ручкой ваши красные тюльпаны, нам стало ясно, совершенно ясно, что для молока нужен просто другой кувшин.

Доволен садовник, что и говорить.

И снова задрожали голубые вьюны на калитке. Прибежала девочка из персикового сада. Прибежала, высыпала в траву из своего передника розовые персики.

– Ах, садовник! Уважаемый садовник! Голова у меня не болит! Совсем! Эти фиалки! Ваши фиалки! Разрешите мне завтра, и послезавтра, и потом, и каждый день приходить к вам за фиалками.

И убежала. Один остался садовник. Задумался. Не понимал он, как сумел заменить и уважаемого пекаря, и умелого гончара, и почтенного аптекаря. Ведь он просто садовник, просто цветы выращивает.

Одной простой вещи не знал садовник: не бывает цветов просто. Все цветы чудесные. Все цветы волшебные.

Не веришь? А ты поверь. Я не сказку рассказываю, а правдивую историю.

Кто лучше прыгает?

На берегу лесной речушки-ручейка, возле старой елки, сидели лягушонок Лашка, бельчонок Прыгалка и ежонок Ежинка. Лашка и Прыгалка вопросительно смотрели на Ежинку, а Ежинка нерешительно пошевеливала иголками и что-то соображала. Наконец она сказала:

- Даже и не знаю... Никак не пойму!

- Ну, что же ты?!

- Ну, почему же ты?!

- Внимательней бы смотрела!

- Судья называется!

- Пять раз показываем! - наперебой зашумели бельчонок и лягушонок.

Дело в том, что они поспорили, кто лучше прыгает, а Ежинку выбрали судьей. А она все не могла решить. Пять раз демонстрировали зверята свое умение. Прыгалка прыгала по старой косматой елке, которая росла тут же. Прыгала, как рыжий лохматый мячик, с ветки на ветку. Прямо-таки перелетала. А Лашка запрыгивал на середину ручейка на лист кувшинки и, подпрыгивая, проделывал в воздухе совершенно невообразимые пируэты.

И Прыгалка и Лашка прыгали так хорошо, что Ежинка просто не могла понять, кто же лучший прыгун.

Вдруг зверята вздрогнули от резкого, противного голоса.

- И непrrравильно! И неверrrрно! И все наоборrrрот!

Посмотрели вокруг. На соседней рябине сидит ворона. Незнакомая.

- Здррррасте! - сказала она и насмешливо раскланялась - Прррриветик!

- Здравствуйте! - ответили зверята. - А вы?..

- А я издалека. Но я все про все знаю. Вот!

- А что неправильно? - спросила рыженькая пушистая Прыгалка.

- А что неверно? - подхватил пучеглазый презеленый Лашка.

- А что наоборот? - заинтересовалась колючая Ежинка. Ворона слетела с рябины на пенек. Гордо посмотрела на лягушонка, бельчонка, ежонка и важно сказала:

- А то наоборот, что все наоборот!

- Что? - не могли понять зверята.

- То, - говорила ворона, глубокомысленно расхаживая по пеньку, - то, что эта рыжая должна делать то, что делает зеленый, а зеленый - то, что рыжая!

- Правильно! - обрадовалась и завертелась Ежинка. - Быстрее меняйтесь местами. И давайте: Лашка - на елку, а Прыгалка - на кувшинку в воду! Быстренько!

- Попробую... Постараюсь... - сказали бельчонок и лягушонок.

Нерешительно очень сказали. И понятно. Лягушонок - на елке?! Белка - на кувшинке в ручейке?! Странно! Но раз такая важная всезнающая ворона советует, зверята решили попробовать.

И вот по зеленой елке скачет зеленый Лашка, вернее, пытается удержаться на колючей ветке. Запрыгнуть-то было легко, но попробуй удержишься на еловой покатоной ветке, если у тебя на лапках вместо беличьих коготков лягушачьи перепонки!

Вот и шлепнулся зеленый Лашка с темно-зеленой старой елки в ярко-зеленую траву и застеснялся...

А в это время из ручейка вылезла мокрая, хоть выжимай, Прыгалка. Лист кувшинки не удержал белку, и... вот результат: не пушистая белка, а мокрый-премокрый комочек меха оказался под елкой. До слез смутилась Прыгалка.

– Отвррратительно!!! Безобррразно!!! Не умеете прррыгать!!! Оба! Оба! И рррыжая! И перррепончатый! – донеслось с вороньего пенька.

Сначала ей поверили и расстроились ужасно. Но вдруг Ежинка взвизгнула от удовольствия и заверещала на весь лес:

– Я поняла! Все ерунда! Глупая и злая ворона все путает! Ребята! Вы отлично прыгаете! Оба! Только по-разному, кому как нужно. А ну, быстро: Лашка в воду, Прыгалка – на елку!

– Рррезонно, – тихо, чтобы никто не слышал, сказала ворона. А во все горло прокаркала: – Пррротестую!

Только ее уже никто не слышал. Зверята с удовольствием прыгали, кто как умел, но оба замечательно.

Заветное желание

Кошка, вернее, котенок по имени Брыся, очень хотела, чтобы никогда не было дождя. Потому что дождь с удовольствием бегает по траве, лазает по деревьям. И очень обидно бывает Брысь-ке, если она не успевает нагуляться до дождя. Потому что после... Трава мокрая! Кусты мокрые! Пушистая бело-серая Брыськина шубка темнеет от воды, становится некрасивой.

Брыськина подружка тоже очень хотела, чтобы не было дождя. Она ведь бабочка. Красивая, нежная, золотистая. Даже одна дождевая капля – для нее серьезная неприятность.

Однажды золотистая бабочка и Брыська играли – заигрались, еле успели спрятаться от дождя под густой елочкой. Укрывшись плотной елочкиной лапой, подружки стали мечтать о том, как было бы хорошо, если б вообще никогда не было дождя. И вдруг!..

– Без дождя нельзя, – это сказала елочка, – трава не вырастет, я засохну. Пусть дождь гуляет – проливается. Но ночью! Только ночью.

– Пусть! Пусть! Пусть так!

– Если вы о ч е н ь хотите, чтобы было так, – продолжала елочка, – я открою вам тайну исполнения желаний.

Это была очень старая и очень простая тайна. Нужно поздним вечером, когда в небе зажгутся звезды, выйти в сад. И посмотреть в небо. До тех пор смотреть, пока не упадет звезда. А пока звезда будет лететь, нужно очень-очень сильно пожелать свое желание.

Золотистая бабочка и Брыська договорились встретиться в нужный звездный час исполнения желаний в лопухах за густым кустарником. Там никто им не помешает.

Брыська явилась в лопушки вовремя. Но бабочки там не было. Был только маленький зеленый лягушонок.

– Ты никого здесь не видел? – спросила его Брыся.

– Нет, – ответил лягушонок очень серьезно.

«Она уснула», – решила Брыська. Маленькая кошка пробежала по темному саду, зоркими глазами разыскала спящую под листочком подружку.

– Ах, – оправдывалась бабочка, – я уснула совсем нечаянно. И вот подружки в самом тихом, заброшенном лопушковом уголке сада. А там... Все тот же маленький лягушонок.

– Слушай, лягушонок, – сказала Брыська, – ты что спать не идешь? Тебе пора, ты маленький. Иди. А у нас дела.

– Спокойной ночи, – вежливо сказала зеленому малышу золотистая бабочка.

– Спокойной ночи, – ответил серьезный лягушонок, – но уйти я не могу. У меня тоже дело.

– Дело? Ночью? Какое дело? И почему здесь?

Лягушонок внимательно посмотрел на подружек и поправил очки. Вернее, он поправил бы очки, если бы они у него были. Но очков у лягушонка не было, поэтому он просто медленно моргнул.

– У меня очень важное дело. И делать его нужно именно здесь, потому, – терпеливо объяснял лягушонок, – что отсюда видны все звезды вообще, а главное – вон та, голубоватая, звездочка в четырех звездных шагах от луны.

– Ах, как это мило, – золотистая бабочка захлопала крылышками,» – тебя тоже привела сюда тайна исполнения желаний!

– Да, но, простите, я не могу открыть вам мое заветное желание. Это, – вздохнул лягушонок, – очень серьезно.

– Ничего, не волнуйся, – успокоила его Брыська, – звездочек на всех хватит.

– Я не волнуюсь. Мне нужна только одна звездочка, – тихо сказал лягушонок.

И вот падает, падает, падает звездочка.

– Пусть! Дождь! Идет! Только! Ночью! – очень старательно пожелали Брыся и золотистая бабочка.

– Я поздравляю вас от всей души, – серьезно сказал вежливый лягушонок. – Ведь ваша звездочка будто ждала вас. А я уже семь дней жду свою.

- Неужели звездочки падают так редко? – удивились подружки.

- Наверное, кому как повезет, – снова вздохнул лягушонок. – Ваша ждала вас, а моя...

- Что-то я не понимаю, – замотала головой Брыська, – твоя, моя, наша...

- Все звездочки одинаковые, – подхватила бабочка, – мы специально не выбирали. Та, что упала первой, – та и наша.

Серьезный лягушонок удивленно моргнул, огорченно посмотрел на подружек и сказал:

- Вы не правы. И ваше желание не сбудется. Простите.

- Нет, сбудется, – распушилась Брыська. – Мы очень, очень желали.

- Звездочка не могла отказать нам, – добавила золотистая бабочка.

- Звезда не услышала вас, – объяснял лягушонок. – Звезду нельзя выбирать просто так. Если звезда упала первой, это вовсе не значит, что она упала для вас. Это чужая звезда. – Лягушонок снова медленно моргнул и снова сказал: – Простите.

- Так что же делать?! – сказала сердито Брыська, а золотистая бабочка печально опустила крылышки.

- Наверное, ждать. – Лягушонок был очень серьезен. – Я жду свою звездочку...

- ...семь дней! – договорила за него нетерпеливая Брыська. – А если она вообще никогда не упадет?

Лягушонок промолчал.

Брыська подняла мордочку, посмотрела на звездочку лягушонка и сказала:

– Высоковато... Ну, ладно, удачи тебе. А мы пойдем. Я уверена – с дождем все будет в порядке.

– Удачи тебе, – повторила почти уснувшая золотистая бабочка.

...А назавтра с самого утра пошел дождь. Серый, холодный. Будто назло. Только вечером, когда красноватое уже солнце подсушило мокрую траву и листву, смогли наконец встретиться Брыся и золотистая бабочка. Подружки, не сговариваясь, отправились в лопушки.

Звезды в небе еще не зажглись, но серьезный лягушонок был уже на месте. Лягушонок – он вежливый – о дожде ничего не сказал. Нетерпеливая Брыська заговорила сама.

– Вот так... – сказала она лягушонку и неопределенно мяукнула.

Серьезный лягушонок моргнул как-то виновато.

Стали зажигаться звездочки. Было очень тихо. И вдруг:

– Моя звездочка! – Это бабочка увидела, как в самом дальнем краю неба, очень далеко от звездочки лягушонка, зажглась совсем маленькая чуть розоватая звездочка.

– Почему ты решила, что она твоя? – подозрительно спросила Брыська и тут же подпрыгнула на всех четырех лапках. – Моя!!! Зажглась!!!

В этот миг прямо над Брыськиной макушкой ярко вспыхнула большая серебряная звезда.

– Нельзя не узнать свою звездочку, – почему-то шепотом отозвался лягушонок.

И снова все замолчали. Таким звездным было небо, так часто падали чужие звезды, что просто не о чем было говорить. А потом? Ты представляешь, оказалось, что уже утро. И Брыська проснулась дома. И золотистая бабочка проснулась дома – под своим листочком. А когда же они ушли из лопушкового

уголка сада, что и не заметили, что ушли? Так бывает.

А утро было!.. А день!.. Солнечный, веселый, яркий! Брыська и бабочка столько играли, что даже устали.

И следующий день был замечательным. Правда, на третий день пролился дождик. Так, небольшой. А лето шло, расцветало, зеленело, желтело постепенно. И дожди были. И даже ливни. Брыська и золотистая бабочка уже не так на них сердились: все равно после дождя будет солнце, будет весело.

...Однажды в конце лета, заигравшись до позднего вечера, до звезд, подружки оказались в дальнем лопушковом уголке сада. И даже немного удивились, не встретив там маленького серьезного лягушонка. А потом они удивились, не увидев в небе маленькой голубоватой звездочки. ...Брыська и золотистая бабочка были очень рады за лягушонка. И им было очень грустно. Не из-за дождя, конечно. Пусть гуляет. Просто, выходит, не было у них того, что было у лягушонка: обыкновенного заветного желания.

А зайцы плавают?

В лес пришла ночь. Уснули грибы и цветы, зайцы, белки, ежи и даже сороки. Но разве можно спать всему лесу? Мало ли что может случиться. Вот и придумал лес на всякий случай птиц, у которых день и ночь местами поменялись. Совы. Днем они спят, а как только стемнеет,

просыпаются: всё видят, всё замечают.

В эту ночь, как обычно, совенок Шууфка летел по знакомому лесу. Тихо летел он и вдруг слышит, кто-то воет. Волк, наверное. Кто же еще •лесу выть может? Но совенку показалось – странно воет волк. Не кровожадно. как ему положено, а, скорее, обиженно, растерянно. И тихо полетел разузнать, в чем дело. Вот крохотная лесная речушка. А возле все тот, который воет. Ну и волк...

Просто – заяц. Заяц, а никакой не волк, сидел, печально свесив уши чуть не до самого хвостика, и выл. От удивления совенок так и повис в воздухе,

не шевелясь. И как же тут не удивиться? Зайцы не воют – всем известно. А этот!.. Шууфка хлопнул желтыми глазищами, сел на гибкую ветку кустарника, что рос над самой водой, и очень вежливо

– Уважаемый Заяц, извините, пожалуйста, но почему вы... воете?

А тот и не смотрит на совенка. И вообще, грустный совсем.

– Ответьте же мне. Заяц! Грустный заяц вздохнул.

– Ах. совенок, я вою от горя. Но ты меня не поймешь.

– Подождите. – разволновался Шууфка, – не войте, пожалуйста! Может быть. я все-таки пойму и смогу вам помочь?

– А ты не станешь смеяться? – Заяц недоверчиво косил и без того раскосые глаза.

Шууфка так решительно замотал головой, что тоненькая веточка, на которой он сидел, запрыгала под его лапками и подбросила совенка в воздух.

– Если так. я тебе скажу. Видишь ли, Шууфка, мне очень хочется научиться плавать. Смешно, да?

– Смешно? Почему же смешно? Просто немножко не понятно. Заяц согласно закивал:

– Конечно, конечно. Я же говорил, ты не поймешь.

– Простите. Заяц, – возмутился совенок, – но это не я не понимаю, а вы не умеете объяснить. Скажите, почему вам хочется плавать ночью, когда спят все, кто может научить, – и лягушки, и рыбы?

Усевшись на толстой и прочной ветке старой ели, совенок задумчиво посмотрел на спящую воду.

– Потому что днем... Понимаешь ли... – Заяц смущенно оглянулся. – Неудобно днем: смеяться будут... – Заяц передразнил того, кто будет смеяться: – «Ой-ой-ой! Заяц плывет! Ха-ха-ха!»

– Вон оно что, – вздохнул Шууфка, – раз вы такой стеснительный, будем плавать сначала ночью, а потом посмотрим.

– Неужели ты меня научишь?

– Видите ли, – засмеялся совенок и поднял перышки на макушке, – я совенок. А совята и даже взрослые совы никогда не плавают. Мы летаем. Но у меня есть приятель – лягушонок Лашка. Лашка вас научит. Правда, придется его разбудить.

Сонный лягушонок сначала никак не мог понять, почему среди ночи он должен учить плавать незнакомого ему зайца.

– Да потому, что он хороший Заяц! И потому, что он хочет плавать! И не умеет! А ты умеешь! И потому, что я!.. И потому, что ты!.. – Совенок захлопал глазами, крыльями, завертел головой, запутался в словах.

– Ну что ты! Что ты! – Лашка выпрыгнул из своего домика под старой корягой. – Я не против. Просто я не сразу проснулся. Где твой Заяц?

Заяц ждал. И уже боялся, что совенок не вернется, и лягушонка не приведет, и плавать его никто не научит... И ему снова захотелось выть.

– Добрый день! В смысле – ночь! В смысле – здравствуйте! – про-квакал, выскочив из травы, лягушонок. – Я – Лашка.

– Да, это он, – подтвердил совенок, устраиваясь на старой елке.

– Ой! – Заяц сжался в комочек.

Теперь ему было страшно, потому что знал: придется лезть в воду.

- Не волнуйтесь, пожалуйста, - успокаивал лягушонок. - У вас все получится. Вы ведь хотите плавать?

- Очень! - Заяц кивнул так энергично, что уши его слегка стукнули Лашку по голове. - Ой, простите, я не хотел. - Заяц вздрогнул и отскочил.

Лягушонок посмотрел на зайца, посмотрел на воду и задумался: «Как же можно научить его плавать?!» Но не научить было нельзя, потому что заяц ждал и смотрел на лягушонка с такой надеждой, что Лашка даже немного завоображал.

- Так, - сказал он и потрогал лапкой воду, - вода хорошая. Заяц, пожалуйста, внимательно следите за мной. - Лашка прыгнул в воду.

Лягушонок очень тщательно проделывал все плавательные движения, объясняя, что для чего нужно. Заяц смотрел и не дышал. Лашка выпрыгнул на берег.

- Вот, - сказал он зайцу, - теперь давайте вместе. Прыгнем! Прыгнули. Лягушонок в воду. Заяц тоже очень хорошо, отлично прыгнул, высоко, легко. Вот только опустился не в воду, а туда же, откуда прыгал. И очень удивился. Потому что хотел прыгнуть в воду.

- Заяц! - Лягушонок выпрыгнул на берег. - Вы раздумали плавать?

Лашка даже расстроился. Ему и самому уже хотелось научить зайца плавать.

- Не мог Заяц раздумать! - Это совенок слетел со своей ветки. - Вы, наверное, просто боитесь, Заяц!

- Боюсь, - признался заяц.

- Ничего, - сказал лягушонок. - Я придумал. В воду вам, Заяц, окунуться все-таки придется. Без этого никак нельзя плавать. Но, - Лашка важно прохаживался, - чтобы вам не было так страшно, вы будете держаться за лапки Шууфки, а ты, Шууфка, спрячь когти и лети над самой водой. Сможешь?

- Смогу. - Совенок показал, как он уберет когти.

- А я, - лягушонок подскочил к зайцу, - я буду поддерживать вас за хвостик. Вы не возражаете?

- Нисколько! - обрадовался заяц.

Он медленно вошел в воду. Вода еле-еле доходила ему до живота и была теплой и спокойной. Вот и «поплыли» они вместе: заяц в воде, Лаш-ка - под водой и Шууфка сверху. Плывут. А вода выше не поднимается, и ничего удивительного в этом нет. Ведь речка называлась речкой только для лягушат, а на самом деле была маленьким лесным ручейком. Совсем маленьким. Заяц убедился в том, что вода, а вернее, дно ручейка держит его надежно, и совсем перестал бояться. Отпустил лапки совенка, осторожно стряхнул с хвостика лягушонка и запрыгал в воде.

- Плыву!! Плыву!! - завизжал заяц. - Вы видите? Ну конечно же, и совенки, и лягушонок видели, и им тоже показалось, что заяц плывет замечательно. Он «плавал», «плавал», пока не расплескал половину ручейка, выбрался на берег, отряхнулся и удивленно спросил:

- Это я плавал?

- Конечно, конечно, вы очень хорошо плавали, Заяц! Лашка и Шууфка были довольны не меньше его самого. ...И только старая елка, что росла у ручья, поняла, что заяц просто прыгал, а совсем не плавал. Но она никому об этом не скажет - пусть думают, что плавал. Раз так хочется и зайцу, и совенку, и лягушонку.

Про сову

В одном городке, конечно, волшебном, в том самом городке, что далеко-далеко за лесом и речкой, жили-были... кто только не жил! В домике с красной крышей жила мама зайчиха со своим зайчиком. В доме с крышей зеленой жила тетушка коза с козленком. В самом маленьком

домике с ярко-желтой крышей жил дедушка еж с ежатами. Еще было много разных домиков с разными жильцами.

И вот в одном доме жила-была сова. Это была очень серьезная птица. И красивая. Ее мягкие серые перышки отливали коричневым блеском. А большие-пребольшие желтые-прежелтые круглые глаза были добрыми и очень внимательными.

Вокруг совиного домика-пирамидки росли красивые красные цветы. Сова заботливо ухаживала за своим маленьким садиком. Рано утром, пока лучи солнца были не жаркими, сова брала лейку и поливала каждый цветок. Сова любила свои цветы, но охотно дарила их соседям, знакомым. Если ей нужно было с кем-то повидаться, кому-то что-то сказать, она обязательно срывала самый красивый цветок, сначала преподносила его, а уже потом сообщала новость.

Вот такая жила-была сова. И красивая, и умная, и не жадная.

А вот, представьте себе, не любили ее. И мама зайчиха, и тетушка коза, и дедушка еж, да и остальные жители волшебного городка.

И не то чтобы не любили сову: ничего плохого она никому не сделала. А просто никто никогда ей не радовался. Даже наоборот. Вот видит кто-то. летит сова, в клюве прекрасный цветок держит, видит кто-то и думает:

«Только бы не ко мне! Только бы не ко мне!!»

Почему же так? Почему же боялись сову? А потому, что сова раньше всех о плохом узнавала, раньше всех плохие новости сообщала.

И откуда узнавала она все?! Дело в том, что добрые ярко-желтые глаза совы были очень внимательны. «Добрые?! – скажешь ты. – Какие же они добрые, если все плохое замечают?!» А ты послушай сказку дальше и решай – добрые глаза у совы или нет. Да и сама сова добрая? Нет ли?

...Рано утром польет сова свои красивые красные цветы, и нет у нее больше дел. Взлетает она на мягких сильных крыльях на самый верхний, кстати фиолетовый, этаж своего разноцветного домика-пирамидки и са-иггся у окна. То дремлет, то

по сторонам поглядывает. А глаза большие. зоркие. Как тут не увидеть! Что?

Например, вот что. Выбегают из своего маленького домика ежата. Дедушка еж провожает колючих внучат на прогулку и следит за тем, чтобы каждый ежонок был обут в сапожки. Ведь только что прошел дождь, и на улице видимо-невидимо лужиц. Но только дедушка еж скрылся в домике, как непослушные ежата сбросили свои крохотные сапожки со всех лапок и босиком зашлепали по маленьким лужицам. Ежатам было очень весело оттого, что лужицы так смешно разбрызгивались. Весело-то весело, но что будет, если по лужам бегать босиком? Простуда! Или даже ангина! Все взрослые, конечно же, об этом знали. Знала и сова. Только все были заняты делами – кто по дому, кто в огороде, – никто ничего не видел. А сова сидела у своего окошка и все видела. Вот она и узнавала раньше всех, когда непослушные ежата наверняка схватят простуду. Ну, скажи, могла ли сова, серьезная птица, не предупредить дедушку ежа? Предупредить, чтобы дедушка заранее купил лекарство для своих ежат. Права сова?

А бывало так. Уйдут по делам мама зайчиха и тетушка коза, а зайчонок и козленок заберутся в огород. Огород у зайчихи и козы общий: обе выращивают морковь, репу, капусту. Если бы зайчонок и козленок без разрешения лакомились только капустой и морковью, еще бы ладно. Но вот видит сова – съели маленькие разбойники по половинке репы. Разве можно! Ведь репа еще не созрела, еще зеленая! У козленка и зайчонка животы заболят. Сова очень разволновалась. Она решила, что необходимо срочно рассказать обо всем маме зайчихе и тетушке козе, чтобы они побыстрее записали своих малышей к врачу. Права сова?

Права не права, как увидит что-нибудь тревожное, так спешит предупредить. А чтобы как-то смягчить неприятную новость, сова сначала дарит соседке один из своих прекрасных красных цветов, а уже потом веж-ливо-превежливо огорчает. А что ей остается?

Вот и сейчас сорвала сова три цветка и полетела предупреждать дедушку ежа, маму зайчиху и тетушку козу.

– Ух, ух, ух! Уважаемый дедушка еж! Почтительно прошу вас любезно принять мой цветок, а также предупреждение: ваши ежата должны заболеть ангиной, потому что бегали босиком по лужам. Ух, ух, ух! Прошу простить, но вам нужно быстрее бежать за лекарством. Ух, ух, ух!

Огорчился дедушка еж, очень огорчился, но уже знал, точно знал, что ежатам нужно принять таблетки от ангины.

А сова летит дальше.

– Ух, ух, ух! Многоуважаемые мама зайчиха и тетушка коза! Будьте добры, примите мои скромные цветы и тревожное предупреждение! Ух! Ух! Ух!

Что сказала сова дальше, ты, конечно, знаешь.

Встревожились мама зайчиха и тетушка коза. Очень встревожились, но немедленно отвели своих малышей к врачу. Он тут же дал им таблетки от живота, и зайчонок с козленком даже не успели заболеть.

Вот такую историю о сове рассказал мне волшебник. О сове, что жила-была в волшебном городке. Все видела, все знала. Так добрая она? Или нет? Скажешь: «Нет. Ведь она огорчала всех».

Или скажешь: «Да. Ведь она о неприятностях предупреждала, значит, помогала с ними справляться». Подумай, тогда разберешься. Может быть, зря не любят сову жители волшебного городка?

Радуга

Небо голубое с солнцем золотым – это здорово! Весело и красиво. И белые облака тоже хороши. А золотые крапинки звезд? А сверкающий дождь? А мягкий нежный туман? Чудеса, да и только!

Мы-то, конечно, не считаем, что это чудеса. Привыкли. Знаем, что и дождь прольется, и звезды замигают, и солнце непременно встанет вовремя. Правда, иногда мы все-таки удивляемся и даже восхищаемся. Тем восхищаемся, тому удивляемся, что не часто видим. Вот радуга. От края до края света встала яркая разноцветная дуга. Семь полос, семь лент светятся, сияют. Красная, оранжевая, желтая, зеленая, голубая, синяя, фиолетовая. Увидев такую радугу, мы зовем

друг друга, даже загадываем желания. Но это редко бывает. Чаще радуга показывается нам маленьким обрывком разноцветной, но не яркой ленточки. Мы и этому рады. Потому что забыли те давние-давние времена, когда каждое утро начиналось с того, что зажигалась яркая, во все небо радуга.

Раньше солнца вставала радуга. До позднего вечера вместе с солнцем светила людям. Привыкли люди к радуге. Наверное, чересчур привыкли. А потому, когда у нее случилась беда, люди ничего и не заметили.

А произошло вот что. Жил-был один человек. Обыкновенный человек. Его красивый дом стоял в чудесном саду. Человек жил хорошо, всем был доволен. Но вот однажды утром зазвонил его телефон и сказал что-то очень обидное. Хотя нет. Телефон не звонил. Ведь дело-то давнее. Телефонов тогда не было. Скорее всего, обидные слова принесла телеграмма. Но вряд ли. Телеграфа тогда тоже не было. Обида нашла человека как-то проще. Он что-то вспомнил. Или что-то ему показалось. Или в словах кого-то из близких почудилось то, чего и в помине не было. Так или иначе, стало человеку обидно и горько. Казалось, случилось что-то непоправимое.

Вышел человек в сад. И встретили его, как и вчера, и позавчера, и раньше, красные розы, оранжевые ноготки, желтые золотые шары, зеленая трава, голубые незабудки, синие колокольчики, фиолетовые тюльпаны. Цветы радостно повернулись к человеку. Но человек был не совсем тот, что вчера. А скорее, совсем не тот. Обида затуманила ему глаза, а раздражение разбудило несправедливость и злые слова.

Необыкновенно яркие красные розы услышали от человека, что он так старательно за ними ухаживает, что просто стыдно им быть такими бледными. Оранжевым ноготкам человек сказал, что они слишком оранжевые, что маленьким цветкам неприлично быть яркими. А желтые золотые шары оказались виноваты в том, что сколько их ни тряс, не упадет ни одной золотой монетки. Только зря называются золотыми. Зеленую траву человек упрекнул в том, что она лохматая-косматая, хотя раньше считалось, что трава просто густая и пышная. Голубым незабудкам человек сказал, что скромность – это хорошо, но не до такой степени, чтобы разглядеть было трудно. Синие колокольчики оказались виноваты в том, что не умеют звенеть так же, как серебряные колокольчики-звоночки на дверях дома. Фиолетовым тюльпанам человек сказал, что, сажая их луковицы, хотел, чтобы выросли белые цветы, а потому, оказавшись фиолетовыми, тюльпаны очень огорчили, а может, даже

обманули его.

В общем, для всех цветов неизвестно откуда взялись у человека недобрые слова. В конце концов, окинув взглядом цветы, человек сказал еще несколько слов:

– Да и какая от всех от вас польза? Выполоть вас! С корнем вырвать надо, а двор асфальтом залить!

Человек и сам зажмурился, услышав собственные страшные слова. А цветы... Цветы и трава так испугались, что мгновенно потеряли свои яркие чудесные краски и стали серого цвета. Цвета серых мышей или даже крыс.

Солнце вздрогнуло, увидев, что случилось, вздрогнули легкие облака, застыло небо, радуга качнулась. Ты ведь помнишь, что в те давние времена радуга каждый день сияла.

Нужно было что-то делать. И быстро! Пока зажмурившийся человек не открыл глаза. Пока не увидел, что серыми стали цветы. Людям нельзя видеть серые цветы – это очень, очень опасно...

И тогда семицветная радуга в один миг бросила свои яркие ленты цветам: розам – красную, ноготкам – оранжевую, золотым шарам – желтую, траве – зеленую, незабудкам – голубую, колокольчикам – синюю, тюльпанам – фиолетовую.

Цветы стали еще прекраснее. А человек, уже, конечно, открывший глаза, стал прежним. Таким, как вчера, позавчера, раньше. Его собственные злые слова будто окатили его ледяной водой, в которой растворилась обида и несправедливость. Осталась, правда, легкая головная боль. Но она скоро пройдет. Человек попросил у цветов прощения.

– Ах, что вы! Ах, о чем вы! – сказали добрые цветы. – Все бывает.

И человек снова стал жить хорошо...

А как радуга? Плохо... Чуть заметны бледные полосы – следы от подаренных цветам ярких лент. Почти весь свой цвет потеряла радуга. И заболела. Ведь сила

радуги в ее цвете. Как больной человек сжимается в комочек под одеялом, так заболевшая радуга сжалась в маленькую бледно-цветную ленточку и спряталась в облаках.

Люди ничего не заметили. Ведь у них остались солнце и луна, звезды и дождь, туман и северное сияние, облака и еще столько чудес, что не счесть.

...Прошло много лет, очень много времени. А время, говорят, все лечит. Радуга стала поправляться. Когда чувствует себя получше, встает дугой, высокой, яркой. Когда сил поменьше, появляется ленточка маленькая. Ненадолго, но все-таки старается показаться людям. Ведь поняли люди наконец, что радуга им очень нужна.

Ночная сказка

Хозяйка ночи – Луна была недовольна. Дело в том, что несколько звездочек не горели спокойно и весело, как все остальные, а тревожно перемигивались. Казалось, они были очень удивлены.

«Интересно, – подумала Луна, – что могло удивить звезды? Извержения вулканов? Тайфуны? Нет, звезды давно привыкли к этому. Здесь что-то не то».

– Дорогие мои, – обратилась Луна к звездочкам, – что это вы разволновались? Что на земле заметили?

– Ах, тетушка Луна, – затараторили звезды, – взгляните вниз, прямо-прямо вниз.

– Вижу, вижу, – сказала Луна, – огромный, сияющий огнями город. Да только что ему удивляться? Каждую ночь под нами проплывает.

– Нет, нет, тетушка, не то. Чуть-чуть левее посмотрите.

– Левее?.. – прищурилась Луна. – Река, а на берегу темнеет что-то. Не разберу что.

- Ну, тетушка Луна, ну, пожалуйста, - совсем разволновались звезды.

- Да тише вы, - не сердито прикрикнула Луна, - успокойтесь, а то на землю посыплетесь! Надену очки и все разгляжу.

Надела Луна очки, а пролетающая мимо маленькая комета заботливо протерла их своим хвостом.

- Ну вот, - сказала Луна, - теперь вижу. Эта темная точка - маленькая деревушка.

- Так, - хором подтвердили звездочки. - А на крыше крайнего домика видите?..

- Ну, глазастые! - Луна поправила очки. - На крыше? Вот невидаль - кошка на крыше. Ой, - запнулась Луна, - что это с ней?

- Плачет, - в один голос ответили звездочки.

- Плачет, - растерянно повторила Луна.

«Что за переполох, - скажешь ты, - почему встревожились звезды? Отчего Луна растерялась?»

Кошка плачет. Ну так что. Мало ли у кого какие причины для слез. Но видишь ли, кошки - существа скрытные, сдержанные. И вдруг... Кошка плачет на глазах у всего звездного неба и не стесняется.

Кошка из нашей сказки сидела на краю крыши и плакала горько-горько. Слезы она вытирала лапками, и лапки ее совсем промокли.

Луна и звезды пошептались и решили помочь этой кошке, такой расстроенной, такой огорченной.

- Милая кошка, - сказала Луна, - поделитесь со мной и со звездами своим горем. Может быть, мы сумеем вам помочь?

Кошке не хотелось рассказывать о своей беде, но и не ответить было неудобно.

– У меня заболел друг, – всхлипнула кошка, – может быть, даже умер. Он погас и молчит.

– Ой, – вздрогнули звездочки.

– Ах, – вздохнула Луна, – а кто же ваш друг?

– Фонарь, – ответила кошка.

И она рассказала, что уже давно дружит с фонарем. Его матовая яркая-преярая шапочка-головка доставала до самой кошкиной крыши и светила всю ночь. И всю ночь кошка и фонарь разговаривали, рассказывали друг другу разные истории, а кошка даже мурлыкала песенки. Фонарь, правда, петь не умел.

Вот и сегодня, как стемнело, кошка вспрыгнула на знакомую крышу. Но фонарь не встретил ее привычным веселым светом. Матовая шапочка тускло белела в темноте. Кошка мяукнула, звала, плакала, но фонарь молчал и не зажигался.

– Вот я и решила, что мой друг очень тяжело заболел, – закончила кошка.

– Да-а, – отозвалась Луна, – лечить фонари я не умею. Но не стоит отчаиваться. Кое-что я все-таки могу, Я и мои подружки звезды владеем некоторыми тайнами волшебства. Я, Луна, подарю вам волшебный лунный камешек. Он заменит вам вашего друга. Сияет он ярче любого фонаря, а его сказочные истории гораздо интереснее обыкновенных земных сказок.

Кошка покачала головой.

– Спасибо, – сказала она, – но мне не нужен волшебный камешек с его неземными историями и неземным светом. И потом, у нас на земле говорят: «Старый друг лучше новых двух».

Луна поправила очки – ей стало немножко неловко, но звездочки поспешили ей на помощь.

– Милая кошка, – замигали они, – мы тоже, тоже хотим дружить с вами!
Посмотрите, какие мы яркие, веселые, красивые.

– Да-да, – вежливо соглашалась кошка, – вы веселые, вы красивые, но вы такие...
далекие.

– Это не беда, – снисходительно заметила Луна, – я решила вам помочь, и я
помогу вам. Я сделаю для вас то, что делается в самых редких, самых крайних,
просто в самых исключительных случаях. Я превращу вас в Звездную Кошку,
созвездие Кошки.

– Ах! – восторженно сказали звезды. А кошка ничего не сказала.

– Вы слышите, кошка? – продолжала Луна. – Вы будете жить среди звезд. Звезды
будут вашими друзьями, вы быстро забудете о фонаре. Вы довольны, кошка?

– Нет, – тихо и почти сердито ответила кошка, – звезды прекрасны, но я не хочу
жить среди звезд. Я хочу сидеть на этой крыше и разговаривать со своим
другом – фонарем. Я не хочу быть Звездной Кошкой.

– Ну, уж это слишком, слишком, слишком! – возмущенно замигали звездочки.

Они помигали, помигали и успокоились. Звезды слишком обиделись на кошку,
чтобы волноваться за нее. Они загорелись ровно и спокойно, как им и положено.

Луна еще некоторое время смотрела на кошку. А потом сказала:

– Вы очень земная кошка. Я не могу вам помочь. Извините.

И Луна сняла очки.

И напрасно. Иначе она бы увидела, что вскоре зажегся кошкин фонарь. Зажегся,
потому что о кошкиной беде узнал очень земной человек. Сторож, кажется. Он
не знал никаких волшебных секретов, зато умел лечить – «чинить», я хотела
сказать, – фонари. Дело-то обыкновенное. Только выходит, обыкновенное
важнее волшебного может быть.

Чего не случается на земле.

Чудо-хозяйка

Жила-была хозяйка. Добрая, ласковая хозяйка. Хлопотливая, аккуратная. Все кастрюльки, сковородки блестели у нее, как зеркальные. Скатерти были как ни у кого чистыми и накрахмаленными. А полотенца такими свежими и наглаженными, что, казалось, готовы были взлететь.

Если на одной из ее многочисленных белоснежных салфеток появлялось какое-нибудь крохотное пятнышко, хозяйка приходила просто в ужас. Она замачивала и кипятила салфетку с разными порошками, отбеливала, стирала, полоскала ее с таким усердием, что каким бы упрямым ни было пятнышко, оно исчезало навсегда. Рассказы о замечательной хозяйке разбежались далеко-далеко.

Однажды вечером хозяйка услышала странный звук: будто кто-то царапается к ней в дверь. Открыла – и видит: сидит огромный-преогромный, косматый-прекосматый пес. И такой уж черный, что представить трудно. Сидит эта зверюга и плачет. Так горько плакала огромная собака, что хозяйка даже не испугалась ее.

– Что с тобой, – говорит, – собаченька, случилось? Почему ты плачешь?

– Дразнятся все, – всхлипывает пес, – и люди, и собаки, и даже кошки!

– Дразнятся? Почему же?

– Да, понимаете, у меня хозяин веселый... Очень уж веселый, не подумал и назвал меня... Стыдно сказать... Снежком назвал... Хозяйка всплеснула руками и охнула.

– А какой я Снежок? – продолжал пес, встряхивая длинными черными космами. – Я слышал, вы хозяйка необыкновенная. Все-все можете. И отбелить, и отстирать все на свете умеете. Может быть, вы... согласились бы... – совсем застенялся пес, – меня Снежком настоящим сделать? – Он осторожно посмотрел на хозяйку.

- Да я... - запиналась хозяйюшка, - я никогда не стирала собак.

- А может быть, все-таки попробуете? - Косматый черный пес умоляюще смотрел и подвывал.

- Ну что ж, заходи. Посмотрим, что с тобой можно сделать. Снежок нерешительно вздохнул и, осторожно ступая, вошел в квартиру. Чистота... Порядок... Светло и уютно. Еще чернее кажется черный Снежок.

Посмотрела на него хозяйюшка и говорит:

- Ты меня прости, пожалуйста, Снежок, но, может быть, ты просто не очень часто моешься?

- Я?! Не моюсь?! - Пес даже взвизгнул от обиды. - Да я три раза в день моюсь специальным собачьим шампунем. А все черный.

- Собачий шампунь - это, конечно, хорошо. Но если ты не против, я помою тебя другими шампунями.

- Я нисколько не против. Делайте все, что нужно. А то ведь... даже кошки смеются! - снова всхлипнул пес.

И хозяйка стала его мыть. Сначала желтым шампунем, потом зеленым, потом синим, потом розовым, потом порошками «Лотос» и «Астра», потом держала в отбеливателе «Лебедь». Потом тщательно прополоскала кипяченой водой, потом водой с уксусом. А Снежок и не думал белеть.

- Придется кипятить, - решительно сказала хозяйюшка.

- Да я же сварюсь! - испугался пес.

- Не волнуйся, - успокоила его хозяйюшка, - не тебя, а твою шкурку кипятить буду. Шубку свою черную снимай.

- А как же я? А в чем же я?

– А ты пока надень вот это.

И хозяйка протянула Снежку халат: толстый, махровый, белый-белый в мелкие сиреневые цветочки. Снежок быстро сбросил шубку и влез в халат. Халат оказался в самый раз. Он так шел Снежку, что, казалось, пес в нем и родился.

Хозяюшка стала кипятить косматую черную шкурку. И опять напрасно. Ни один волосок не побелел. Расстроилась хозяйка:

– Не могу помочь тебе, собаченька.

Совсем загрустил Снежок. Уже хотел переодеваться в свою черную шубку-шкурку. Вдруг хозяйка задумалась о чем-то и спрашивает:

– А если ты будешь не совсем белый, а в цветочек, как этот халатик? Снежок подошел к большому зеркалу, долго рассматривал себя и остался очень доволен:

– Здо-о-орово! Просто замечательно! Нарядно-то как!! Эти вредные кошки завидовать будут! Только вот рукавов нет для задних лап.

– Ну, Снежок, это не беда.

Взяла чудо-хозяюшка ножницы, иголку, нитки. И вот уже готова чудесная махровая шкурка, белая с сиреневыми цветочками. Смотрится Снежок в зеркало – насмотреться не может.

А хозяйка аккуратно сложила черную шкурку, положила ее в пакет и перевязала лентой.

– Захвати с собой, может быть, твой странный хозяин Угольком тебя назвать захочет.

...Так появился махровый белый пес в сиреневый цветочек. И если ты встретишь его, он обязательно расскажет тебе о чудо-хозяйке, с которой крепко подружился.

Окошко

Котенок Кис был маленьким и со всеми хотел дружить. А больше всех – с окном: большим, блестящим, прозрачным.

– Вы самое красивое на свете! – сказал окну Кис.

Раздался звенящий легкий смех.

– Неужели самое красивое? – рассмеялось окно. Кис не мог подобрать слов: «Вы... Вы... Вы...»

– Не хвали, перехвалишь, – рассыпался голос окна. – Лучше прыгай ко мне.

– Высоко, – испугался Кис, – а я маленький.

Окно перестало звенеть, будто ожидая чего-то. Долго ждать не пришлось. Котенок прыгнул. Два горшка с фиалками – один с белыми, другой с еловыми – быстро раздвинулись, уступая котенку место на подоконнике.

– Давай знакомиться, – одобрительно зазвенело окно.

– Я котенок Кис. Милое окно, вы такое красивое! А почему вы прозрачное? А за вами – это что? – пригляделся Кис. – Какие-то черные прутья? Зачем они? Такие некрасивые...

– Я прозрачное, потому что так захотели люди. Им приятно видеть то, что за мной.

– Приятно видеть эти грустные черные прутья?!

– Придет время, малыш, и из-за этих, как ты говоришь, грустных прутьев ты забудешь обо мне.

...Шли дни. Осень дождливая кончилась. Зима пришла. Котенок подрос немножко. Горшочки с фиалками уже привычно уступали ему место на подоконнике. Блестящее окно стало еще красивее, наряднее.

Сначала на стекле появились прекрасные звезды-снежинки. Затем чудесные белые кружева. Потом они превратились в бурное море. А потом друг окна Мороз нарисовал на стекле пушистые елочки-лапы. Они были как настоящие. Это случилось как раз под Новый год.

Котенок Кис очень сдружился с красивым окном, привык к его звенящему голосу. И конечно же, думать забыл о голых прутьях на улице. Кто-то как-то между прочим сказал ему, что они называются кустами, деревьями.

А чудесные превращения окна продолжались. На стекле появлялись то невиданные узоры, то снова волшебные кружева, то опять разные снежинки. И ни разу прекрасные рисунки не повторялись. Каждый день новые.

Потом пришел месяц март. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что солнечные лучи стали ярче, и оттого узоры на окне засверкали тоже ярче. А плохо, потому что солнце стало горячее, и чудесные рисунки быстро исчезали.

А потом произошла страшная неприятность. Она называлась – ремонт. Котенку на время запретили входить в комнату с окном. Долго тянулся ремонт. Долго не виделись котенок и окошко. Прошел апрель, половина мая. Наконец неприятности кончились, ремонт ушел насовсем.

Кис тут же помчался к окну. Фиалки не забыли его – уступили место. Мгновение – Кис на подоконнике... И... Он забыл об окне. Обо всем забыл, он увидел, что черные ветки превратились во что-то прекрасное. зеленое-зеленое. Казалось, что деревья и кусты живые! А может, так оно и было. Маленький Кис увидел это зеленое чудо не только глазами, но и ушами, и носом. Недавно распустившиеся листочки шелестели какую-то, только что сочиненную мелодию. А как они пахли!

Маленький Кис замер. Он и не заметил, что самого окна почти не видно: распахнуто окно. Застыл котенок на миг и кинулся, хорошо – этаж первый, в зелень. На все лето кинулся. Он забегал домой. Иногда. Но там, в зеленом теплом времени года, что зовется лето, ему было гораздо лучше.

А окно? Окно не ошиблось. Котенок забыл о нем. Правда, иногда, когда Кис дремал в зеленой траве, ему снились белые звездочки и мохнатые новогодние лапы. Окно не обижалось. Могло ли взрослое умное окно сердиться на котенка, который просто голову потерял.

И еще. Окно точно знало, что тепло – не навсегда, что придут холода. Окно знало, что его хозяйка замерзнет и попросит не пускать домой холод. И окно закроется. И тогда, в этом мудрое окошко не сомневалось, подойдет повзрослевший Кис и немного виновато посмотрит вверх. Фиалки, белые и лиловые, недовольно – они еще не совсем простили котенка – уступят ему место, и Кис легко прыгнет на подоконник.

– Простите меня, – скажет Кис.

– О чем ты? – будто бы удивится окошко.

А еще через некоторое время из дальних северных стран вернется друг окна – Мороз. И на стекле снова появятся чудесные рисунки: то звезды – снежинки, то волшебные кружева, а под Новый год самые настоящие пушистые елочки-лапы. И Кис скажет:

– Вы самое-самое красивое!

Маки и мяч

Жил-был яркий, разноцветный, надувной мяч. Это так. Но сказку начнем по-другому. В нарядной комнате в необычной, очень современной вазе стояли цветы. Ярко-красные маки. И круглый год, даже зимой, оставались яркими и красивыми. Потому что не были настоящими. Это были искусственные цветы, очень искусно сделанные из синтетического материала с каким-то хитрым названием. Цветы казались почти настоящими. Маки были будто живые.

...Но вот пришло лето – то самое, обыкновенное. Хозяйка отправилась за город. Взяла с собой дочку, а дочка, конечно, не забыла веселый надувной мяч. О котором я уже говорила. Яркие цвета делили его, как волшебный апельсин,

на дольки: долька синяя, долька желтая, потом зеленая, потом голубая, потом красная и белая и, наконец, в разноцветную крапинку.

Но дни шли и шли. Лето кончалось, кончалось и... кончилось. А как не хотелось забывать его – траву, речку, теплый дождь, веселый разноцветный мяч. А почему бы не поселиться ему, веселому мячу, в комнате насовсем? Ведь он тоже помнил, а значит, мог и напомнить лето. Вот и получилось как-то незаметно, что мяч устроился на столике рядом с ярко-красными неувядающими маками.

Сначала мяч и маки будто не замечали друг друга. Мяч просто стеснялся. А маки – те не сразу снизошли до разговора с каким-то там мячом. Но что-то наконец подсказало им, что это не «какой-то там» мяч, а, представьте, родственник. И ярко-красные цветы, пошуршав тонкими лепестками, решили завязать беседу.

– Уважаемый сосед, разве нам не о чем поговорить?

– Есть! – обрадовался мяч.

– Конечно, – кивнули маки, – ведь мы родственники.

– Родственники? – качнулся мяч. – Здорово! Но не понятно.

– Это очень просто. Мы надеемся, вам говорит о чем-то слово э к с т-раполиуретан?

– Экстра... что? Поли... как? – не понял мяч.

– Экстраполиуретан, – легко повторили маки, – разве вы не знаете, что так называется замечательный синтетический материал, из которого сделаны и мы, и вы.

– Нет, – смутился разноцветный мяч.

– Странно, – удивились маки.

И подробно рассказали о том, из чего, как и где делается экстраполиуретан. Закончив рассказ, они важно спросили:

- Вам все понятно? Вы все запомнили?

- Ой, извините, - раздался голос с красной дольки мяча, - я не все поняла, потому что прослушала. Я разавспоминалась.

- Что же вам вспомнилось? - немного недовольно осведомились маки.

- Да ничего особенного, - вздохнула красная долька, - просто поле маков.

- Поле маков? Таких, как мы?

- Нет, это были маки не из экстра... как там...

- Нет? А из чего же?

- А не из чего. Они просто росли. Они были настоящими.

- Настоящими? Из ничего? Как это?

- Очень просто, - послышался тихий голос голубой дольки, - мне, правда, больше запомнились незабудки. Голубые, как я.

- И тоже не из?.. - удивленно начали маки.

- Нет! Не из... Так же, как и... - перебила белая долька мяча, - как и белые-белые ромашки. Они росли вперемежку с незабудками, недалеко от маков. И все - ромашки, незабудки, маки - были не из чего. Просто живые.

- Живые! - хмыкнули ярко-красные маки. - Настоящие! Можно подумать, мы...

- Ах, нет! Ах, что вы! Мы совсем не то имели в виду, - спохватились красная, белая, голубая дольки мяча.

- Ничего-ничего. Не смущайтесь, – снисходительно закивали маки, – объясните только, почему те цветы... живые?

- Почему...

- Ну, как сказать...

- Трудно объяснить. Просто мы помним, что нам очень хотелось попрыгать по цветочному полю. Но наша девочка сказала, что цветам будет больно, если их ударить. Даже нечаянно! В прыжке. А вам, наверное...

- Да, да... – перебили маки, – это, в общем, понятно. И просто. Да, да! – Маки гордо подняли головки. – Это просто. И любопытно. Да-а-а. А вот... А вот... скажите, не знаете ли вы... – ярко-красные цветы неожиданно решили переменить тему разговора, – не знаете ли вы свой артикул?

- Арти... что? – не понял мяч, не поняла ни одна его долька.

- Ар-ти-кул. Это тоже очень просто. И важно! Это почти как паспорт у человека. Любая вещь имеет свой магазинный номер – артикул. У нас такой, – маки отдельно произнесли, – АДС-347/26-б. А у вас?

Вместо серьезного четкого ответа послышался легкий добрый смех синей дольки.

- Ой, – смеялась она, – я вспомнила про паспорт.

- Про паспорт? Что же здесь смешного? – удивились маки.

- Я по порядку, – сказала синяя долька. – Однажды с девочкой и мамой мы плыли в лодке по речке. Река была синей-синей. И спокойной, гладкой. И совсем не широкой.

- А по берегам росла необыкновенно зеленая, – подхватила зеленая долька, – высокая осока.

– И было так красиво, – продолжала синяя долька, – что мама на секунду отпустила весла, и они уплыли. И речка тихо несла нас сама.

– А потом, – это уже зеленая долька, – речка решила пошутить и толкнула лодку в заросли зеленой осоки. Там, оказывается, прятался рыбак. А мы распугали ему рыбу. Рыбак рассердился и потребовал мамин паспорт. Но мама вежливо извинилась и вывернула пустые карманы сарафана. И рассмеялась. Рыбак хлопнул себя ладонью по лбу, тоже рассмеялся и подарил нам весла. А важный паспорт нам даже не понадобился.

– Что же, – помолчав, сказали маки, – наверное, и так может быть. На какую-то минуту разговор прервался. Маки, казалось, беззаботно покачивали ярко-красными головками. Будто напевая легкую мелодию. Но разноцветным долькам показалось, что маки то ли растеряны, то ли расстроены... Правда, скоро гордые цветы заговорили снова. И, кажется, так же приветливо и непринужденно.

– Все, о чем мы, то есть вы, говорили, занятно. Но вот желтая долька и долька в крапинку молчат. Неужели им нечего вспомнить?

– Что вы, что вы! Мы помним немало.

– Ну-ну! – будто бы весело поддразнивали маки.

– Я могу рассказать о теплом летнем дожде, – начала долька в крапинку.

– Лучше о том, помнишь, слепом дожде, – подсказала желтая долька.

– Что такое дождь – понятно. Хозяйка моет нас под душем. Это почти дождь, – сказали маки.

– Ну, что вы! – удивилась долька в крапинку.

– Как что? – настаивали маки. – Дождь – душ; душ – дождь. Здесь все ясно. И давайте не спорить.

Долька в крапинку обиженно замолчала, а маки попросили объяснить, что такое слепой дождь. Желтая долька ответила просто и честно:

- Слепой дождь – это солнечный дождь. Это дождь среди ясного и безоблачного неба. Это дождь, в каждой капле которого светится солнце. Вот и все.

- Нет и нет! – Маки почему-то рассердились. – Этого не может быть! Это антинаучно. Это ни на что не похоже. Мы никогда об этом не слышали. Мы не видели ничего подобного! Вы нас обманываете!

- Пожалуйста, успокойтесь, – стал уговаривать мяч, – мои разноцветные дольки... огорчили вас. Простите их. Ведь мы все-таки родственники.

- Мы? Ах, да, – вспомнили маки, – что-то мы разгорячились. Это вредно. Поговорим о другом.

Казалось, маки успокоились. Совсем успокоились. А что им волноваться? Ведь они из экстраполиуретана. Это надежно.

А потому, когда на столе возле вазы девочка вечером нашла сморщенный алый лепесток, она никак не могла понять, что это значит.

Что же это значит?.. Разве могут осыпаться искусственные цветы? Неужели могут?! А может, все-таки могут?

Про колючки

Жил-был кактус. Он жил на подоконнике в красивом горшке. Раз в год кактус расцветал. Один-единственный раз в году на макушке у него распускался один-единственный цветок. Прекрасный! Красно-бело-желто-розовый со множеством лепестков!

Весь остальной год у кактуса были иголки – вся головка в иголочках. Вместе с кактусом жили взрослые люди, маленькие дети, и еще жил-был веселый котенок.

Котенок очень уважал кактус. А все почему? А потому, что у него, у котенка, никогда, ну ни разу в жизни, не расцветал на макушке такой замечательный цветок, как у кактуса. Даже самая простая ромашка не распускалась на макушке котенка. А ему так хотелось! Но ничего не поделаешь – придется любоваться чужими цветами. Самое интересное, «то котенок знал о цветах кактуса только по рассказам взрослых. А сам пока не видел. Ведь он маленький. И вот, когда наконец распустился необыкновенный цветок, котенку очень захотелось не только рассмотреть его, но и понюхать.

Котенок осторожно прыгнул на подоконник, подошел к цветущему кактусу, восхищенно захлопал зелеными глазами.

– Какой! Красивый! У вас! Цветок! – почти задохнулся котенок от восторга.

– Да, – серьезно ответил кактус. Кактусы всегда серьезны. – Да, котенок, ты прав.

– А можно, – робко спросил котенок, – я понюхаю ваш цветок? Раз он такой красивый, наверное, он очень ароматный.

Кактус не стал объяснять котенку, что его цветы никогда не пахнут. Котенок зажмурился, вытянул шейку, потянулся к цветку и... вдруг отпрыгнул в самый угол подоконника, к стеклу прижался.

– Ой, ой! Нос уколол! Вы что же когти не убираете?

– Когти? – удивился кактус. – Какие когти?

– Ну те, что на вас растут. Я же свои убираю. – Котенок показал мягкую лапку. – Вот! А могу выпустить. Вот так. Ну я же прячу! А вы царапаетесь! Зачем?

– Ах, вот ты о чем, – отозвался кактус, – это не когти, это иглы.

– Не важно, когти или иглы! Важно, они колются!!! Ну так почему же вы не убираете их?

– Иглы – это вещь нужная. Тебе же бывают нужны твои когти?

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/abramceva_natal-ya/skazki-dlya-dobryh-serdec

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)